
Р. И. ШАФИГУЛИН, М. И. РАХИМОВА

КРЕМАЦИЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

*Предлагаемая статья рассматривает появление кремации трупов в жизни древнего человека. Кремация, имеющая достаточно широкое распространение сегодня, была знакома и нашим предкам. Археологические находки свидетельствуют, что наши предки использовали кремацию для захоронения с древних времен. Автор приводит хронологию развития кремации и задается вопросом: почему покойников кремировали? И почему именно такая похоронная деятельность эволюционировала у поздних *Homo sapiens* 50 тыс. л. н.?*

Ключевые слова: ингумация, кремация, неандертальцы, культурная эволюция, *Homo sapiens*, верхний палеолит, Мунго, неолит, бронзовый век, железный век, Античность, Средневековье, зороастризм, мумификация, индуизм, трупы и болезни.

Ингумация и кремация практически всегда сосуществовали в жизни древних. Кремация, подобно ингумации, в то время была связана с конечным захоронением праха человека в земле и в определенном смысле представляла лишь усложненный вариант ингумации, при котором между оплакиванием и захоронением вклинивается промежуточный этап – сожжение тела и собирание оставшихся пепла и костей (Акимова, Кифишин 2000: 230–231).

Средний палеолит

Предки современного человека начали пользоваться огнем очень давно – примерно 700 тыс. лет назад. Но традиция предавать огню тела умерших сородичей появилась значительно позже.

*** Для цитирования:** Шафигулин, Р. И., Рахимова, М. И. 2024. Кремация в истории человечества. *Историческая психология и социология истории* 2: 146–178. DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.07.

For citation: Shafigulin, R. I., Rakhimova, M. I. 2024. Cremation in the History of Mankind. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* = *Historical Psychology & Sociology* 2: 146–178 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.07.

Историческая психология и социология истории 2/2024 146–178
DOI: 10.30884/ipsi/2024.02.07

Ранние погребальные памятники, дающие основания предполагать преднамеренное использование огня при похоронах, относятся к среднему палеолиту. Но полной уверенности в том, что огонь использовался именно для кремации, у нас нет. Подробные описания мустьерских погребений позволяют только предполагать, что, возможно, огонь костра соприкасался с останками умершего (Смирнов 1991). Связь погребений и кострищ прослеживается в Ля Ферраси, где два скелета взрослых людей лежали прямо на остатках костра (Ферраси 2). Останки женщины 25–30 лет находились непосредственно над кострищем, хотя следов огня на костяке не зафиксировано (Там же).

В Регурду кострище находилось на вершине погребального сооружения, что тоже заставляет задуматься о возможной кремации. На бедре погребенного Мустье I имелся след воздействия огня, но было это сделано намеренно или случайно, сказать трудно.

Кострище над погребенным Шанидар 2, вероятно, было засыпано в процессе горения. Пепел и следы обожженности имелись и на костях скелета Кебара 3. В этом захоронении были обнаружены обожженные фрагменты человеческого черепа и нескольких зубов (Stekelis 1977). Возможное время захоронений – 35 300 л. н. Образцы угля кострищ были взяты с глубины 2,5 м (Oakley *et al.* 1975: 136–140).

Несколько захоронений того периода, в том числе взрослого мужчины (Схул 3) и младенца (Шанидар 9), были обнаружены в непосредственной близости от кострищ или же костер вообще был непосредственно под погребением. Возможно, в этих случаях мы сталкиваемся с зачатками погребальной кремации. Хотя доказательств, что это был именно процесс сожжения тел, все же недостаточно. То есть в ряде мустьерских погребений выявлена связь между местом погребения и кострищем, но факт кремации как таковой не фиксируется. И традицию погребения тел на очагах мы можем скорее предполагать, чем констатировать (Добровольская 2010: 201).

Верхний палеолит

Ряд свидетельств использования огня при погребении относится и к эпохе верхнего палеолита. Так, череп индивида из погребения на Тельмановской стоянке (Костенки VIII), по описанию исследователей, обожжен. Шестой индивид из пещеры Барма-Гранде «был неполным и обуглившимся... Ввиду того, что все кости нахо-

дились в нормальном положении, можно было заключить, что этот также украшенный раковинами труп был сожжен на этом самом месте; об этом свидетельствовал и слой угля и пепла, находившийся под ним и достигавший толщины 6 сантиметров; на него этот труп был положен, когда уголь был еще раскаленным» (Обермайер 1913: 214). На стоянке Солютре первыми исследователями памятника были обнаружены многочисленные очаги, при этом погребения располагались непосредственно на очагах, а на скелетах были обнаружены следы обугливания (Добровольская 2010).

Мунго, Австралия

Богат палеолитическими памятниками район древнего озера Мунго в Австралии. Погребение взрослой женщины (adult I) было обнаружено здесь в 1969 г. профессором Мельбурнского университета Джимом Баулером. Костные останки несли на себе следы кремации. Возраст погребения – около 40 000 лет. Однако в 1974 г. в 300 м от женского погребения, в культурных слоях, аналогичных ему, было открыто погребение мужчины, совершенное без кремации, с обильным использованием охры. Возраст погребения, определенный в 1987 г. в лаборатории Австралийского национального университета методом электронно-магнитного резонанса, составил $30\ 000 \pm 7000$ л. н. (Добровольская 2010). Свидетельства погребальной практики встречаются и на краю самого озера Мунго, у ручья Вилландра. Два захоронения на этом месте – погребение в яме взрослого и погребение в неглубокой могиле другого взрослого были осуществлены после кремации примерно 40 000 л. н. (Bowler *et al.* 2003).

Останки, получившие название Мунго I, состоят из кремированных и раздробленных костей, составляющих примерно 25 % скелета взрослого человека. Предполагается, что они принадлежали молодой взрослой женщине (Bowler *et al.* 1970; Mulvaney, Kamminga 1999). Похоже, что она была кремирована вне могилы, после чего кости были разбиты и собраны в коническую яму глубиной около 20 см. Весьма показательно, что кремация и погребение происходили в районе, где активно использовался огонь, о чем говорят найденные в изобилии очаги и земляные печи.

И тут возникает ряд вопросов. Тела утилизировались вдали от мест приготовления пищи или там же? А может, аборигены были не прочь потрапезничать своими соплеменниками? Или все же их

кремировали не для того, чтобы съесть, а для других целей? Сомнения возникают еще и потому, что в полукилометре к востоку от кремационного захоронения Мунго I было погребено тело еще одного взрослого человека, вероятно, мужчины преклонных лет, на этот раз без кремации и разбивания костей (Bowler, Thorne 1976). Мужчина, вероятно, был похоронен завернутым в окрашенный охрой саван или одетым в окрашенную охрой одежду, поскольку весь разрез могилы был обильно окрашен охрой.

Люди явно находились в Австралии (в том числе и в районе озера Мунго) по меньшей мере 50 000 л. н. А вот погребальные свидетельства достаточно редки и встречаются в более поздний период. Возникает вопрос: значит, поначалу австралийцы не хоронили своих соплеменников? И вообще, практика различных видов погребения, в том числе и кремации, была знакома им задолго до прибытия в Австралию или она появилась уже по прибытии сюда?

Хотя простая традиция ингумации, обнаруженная в Австралии, не отличается от той, что практиковалась в Схул и Кафзе, но найденные убедительные доказательства кремации в захоронении Мунго I позволяют считать, что это самый ранний известный пример кремации.

Аборигены Австралии практиковали также высушивание трупа. Эти данные были задокументированы этнографами в XIX в., то есть практически в наше время. Так, на севере Южной Австралии, перед тем как перейти к термической обработке тела, внутренние органы умершего вынимали, заполняли их место травой, а тело выставляли на солнце или размещали над костром. После высушивания тело сгибали и раскрашивали. Перед тем, как похоронить, его некоторое время носили с собой, а потом расставались с останками умершего одним из разнообразных способов. Труп могли разместить на специальной платформе, устроенной на дереве или в пещере, или же закопать, или же сжечь, или засунуть в полое бревно. Иногда трупы коптили. Для этого аборигены сооружали специальную подставку, под которой разводили слабый огонь, а на ней размещали труп в сидячем положении с разведенными в стороны руками. Как только кожа начинала покрываться волдырями, с тела удаляли волосы, а все отверстия зашивали. Затем начинался процесс высушивания. Его осуществляли мужчины, которым такое право передавалось по наследству. Тело натирали жиром и красной охрой и в таком положении помещали на подставке теперь уже

внутри хижины. Оно постепенно высыхало на небольшом огне, в то время как причитающие участники похорон отгоняли мух длинными ветками (заметим, что они здесь же ели и спали). Подсушенный труп заворачивали в специально подготовленный кусок коры и какое-то время держали в хижине. После того как он окончательно высыхал, его переносили с места на место в течение нескольких месяцев и наконец помещали на погребальную платформу разлагаться... В бассейне реки Рассел высушивание трупа представляло собой еще более сложный процесс, в результате которого получали «мумию», а затем раскрашивали. В других районах труп помещали на платформе, высушивали на солнце и укладывали в полый ствол дерева (Берндт Р. М., Берндт К. Х. 1981; Смирнов 1997).

Мезолит

В эпоху мезолита представления древних о загробном мире кардинально меняются. Появляются крупные некрополи, отделенные от поселений. Широко известный некрополь Скатехолм (Скания, или Южная Швеция) был оставлен охотниками-рыболовами-собирающими на побережье Балтийского моря в период позднего мезолита (Larsson 1981; 2004). В основном здесь хоронили в могилах, однако в отдельных случаях встречаются и трупосожжения. Так, погребение 11 (пожилой мужчина) представлено кремированными костями, помещенными в несколько маленьких ямок, расположенных поблизости друг от друга. Дата кремации, полученная в результате радиоуглеродного анализа кремированных костей, – 6290 л. н. К этому же периоду относится погребение с кремированными костями на стоянке первобытных охотников-рыболовов-собирающих в Настиристи (Юго-Западная Финляндия) (Vikkula 1986).

Неолит

И все же устойчивые традиции кремации тел умерших восходят только к эпохе неолита. Хотя и в этот период преобладает ингумация, а кремация редка и составляет в общей сложности лишь 10 % от всех погребений. Но именно в неолите человек совершенствовал свое умение контролировать температуру огня и значительно повышать ее, тем самым научившись обжигать керамику, а параллельно стала широко применяться кремация тел. Как мы знаем, керамику обжигали и до неолита, но это были единичные случаи, как, впрочем, и отдельные случаи кремации, встречавшиеся намного

ранее, в верхнем палеолите. Но в неолите происходит культурный взрыв, начинается повсеместный обжиг керамической посуды и кремация в погребениях. Сложно сказать, какой из этих процессов возник раньше. Возможно, изготовление керамики послужило толчком к началу кремации, но, возможно, и наоборот. Скорее всего, две эти культурные традиции развивались параллельно. Но если керамика стала достижением, которое никогда уже более не выходило из моды, то кремация в ходе истории то исчезала, то возникала вновь. Давайте рассмотрим все по порядку.

Наиболее ранние примеры массового появления традиции кремации связаны с памятниками неолитической культуры линейно-ленточной керамики 5-го тыс. до н. э. В частности, они наблюдаются на территории юго-западных земель Германии (Trautmann 2006). Важно, что обряд кремации устойчиво бытует наряду с ингумацией. Доля трупосожжений в некоторых могильниках невелика – менее 10 % от общего количества захороненных, но в некоторых она приближается к 50 %. При этом кремации подвергались представители всех половозрастных групп – дети, мужчины и женщины различных возрастов. Скопления кремированных костей иногда хоронились кучкой, а иногда просто рассыпались по дну могильной ямы.

Огонь использовался и в погребальной обрядности ближневосточных первобытных земледельцев и скотоводов. При раскопках слоев халафской культуры памятника Ярымтепе II в Ираке были обнаружены семь погребений с трупосожжениями (Мунчаев, Мерперт 1981). Причем все они располагаются в пределах одного участка. Исследователи отмечают, что кремация двух трупов была осуществлена там же, где они были захоронены, а вот остальных – в другом месте. При сжигании тела в огонь бросали разбитые каменные и керамические сосуды. Не исключено, что погребения с трупосожжениями явились результатом проведения обрядов с жертвоприношениями (Антонова 1990; Добровольская 2010). В среднем периоде трипольской культуры также появляются погребения с кремированными костями, только здесь они помещаются в керамические сосуды или завертываются в ткань (Авилова 1978). Носители традиций софиевской культуры также были знакомы с кремацией. Прах, собранный на погребальном костре, они помещали в глиняный сосуд-урну или ссыпали в центре могилы (Рындина, Дегтярева

2002). Погребения с кремациями известны также для культуры Зимно-Злота (Польша) и для культуры Волян.

Для группы Болераз – археологической культуры эпохи раннего металла, существовавшей в 3-м тыс. до н. э. в Центральной Европе, – был характерен устойчивый обряд кремации. Остатки накрывались миской или другим сосудом, а затем поверх них возводился небольшой курган или каменная кладка, по краям которой стояли сосуды и фигурки животных. Баденская культура, которая датируется второй половиной 3-го тыс. до н. э., сочетала в погребальном обряде ингумацию с кремацией.

Распространение традиции сжигания останков усопших на костре наблюдается во второй половине 2-го тыс. до н. э. по всей Евразии. Так, некрополь Ростовка близ г. Омска был оставлен носителями сейминско-турбинских традиций. В их грунтовых могилах обнаружены как скелеты, так и кремированные кости, сожженные на стороне и помещенные на пол могильной ямы. Обряд трупопожжения встречается и в погребениях андроновской культуры, причем кремация, как правило, происходила на стороне. И у представителей другой крупнейшей культурной общности позднего бронзового века – срубной – встречается обряд кремации. Правда, из нескольких тысяч погребений срубной культуры, известных ныне, только десятки были осуществлены с соблюдением обряда кремации. Но тем не менее он был известен. Вероятно, сжигание тела покойного происходило в исключительных случаях. Для обеих культурных общностей характерно сжигание тела на стороне, вероятно, на погребальном костре, с дальнейшим перенесением праха на дно ямы, рассчитанной на длину тела взрослого человека.

Меднокаменный век (энеолит) и бронзовый век

В эпоху энеолита и ранней бронзы традиция сжигания останков усопших на погребальном костре получает распространение уже во многих евразийских культурах. Правда, наряду с ингумацией. При этом наблюдается любопытная картина: в меднокаменном веке кремация уже преобладает, в среднем бронзовом веке уменьшается и даже пропадает, а вот в конце бронзы и с началом железного века снова возрастает.

В ранний бронзовый век кремация редка, преобладают в основном захоронения в курганах и обычные ингумации.

В среднем бронзовом веке кремация вообще пропадает. Но в позднюю бронзу она появляется вновь и теперь уже распространяется по всей Евразии, причем встречается гораздо чаще, чем ингумация и погребения в курганах.

В общем история кремации сложна, и в ней трудно проследить какую-либо закономерность. В каждом регионе имелись в этом отношении свои традиции, которые со временем менялись. Если в одних районах преобладала кремация, то в других, наоборот, грунтовые захоронения. Давайте рассмотрим подробнее эволюцию развития кремации.

Самое раннее письменное упоминание о кремации и личности подвергшегося ей содержится в древневавилонской поэме «Эпос о Гильгамеше». Это один из древнейших мифов, восходящий примерно к 1800 г. до н. э. и касающийся загробной жизни в подземном мире. Он отражает представления людей того времени о выживании после смерти. Из эпоса следует, что на это способны лишь сильнейшие, а кто не смог, тот сгорел заживо. Поэтому у древних вавилонян сформировалась неприязнь к кремации, исследователи отмечают у них явное предпочтение ингумации и мемориальных памятников, позволяющих вспомнить имена людей (George 1999).

История кремации Крита и Древней Греции чрезвычайно сложна, и на ранних стадиях она присутствовала здесь наряду с ингумацией, причем предпочтения в различных местах заметно менялись с течением времени.

Кремация практиковалась на Анатолийском плато в 1600 г. до н. э.; в Трое VI и на полуострове Галикарнас у Микен до 1300 г. до н. э. Если в субмикенские времена число кремируемых людей было незначительно (менее 3 %), то уже в 900–700 гг. до н. э. эта цифра возросла до 100 %. В дальнейшем этот обряд то входил, то выходил из моды на протяжении нескольких веков (Musgrave 1990: 285).

В случаях кремации прослеживаются определенные закономерности. После сожжения пепел и костяные останки собираются и помещаются в горшок, который затем, в свою очередь, помещается в гробницу, выкопанную в земле или вырубленную в мягком камне (или же построенную из камня). Обычно вещи умершего сжигали вместе с телом на погребальном костре, но их также можно было положить в могилу, не сжигая. На Крите пепел после кремации помещался в вазы различной формы, а позже иногда и в бронзовые сосуды (*Ibid.*: 271–299).

Что же произошло в жизни древних греков, что они отказались от ингумации и приняли традицию кремации?

Обряды трупосожжения приобретают массовое распространение в период с 1400 до 1200 г. до н. э., в постдворцовый период, как раз последовавший за распадом наиболее развитых эгейских обществ. Именно в это время минойскую культуру сменяет микенская. Затем в позднем бронзовом веке (1200–1100 г. до н. э.) кремация несколько теряет свою популярность, но есть свидетельства, что с началом раннего железного века, примерно в 1050 г. до н. э., некоторые общины приняли кремацию в качестве общего, хотя и не универсального обряда. Это особенно ясно видно в Афинах, Лефканди, Медеоне, Кноссе и некоторых других местах.

Как происходили кремация и погребение кремированных останков, мы знаем по древним текстам. «Илиада» Гомера содержит, вероятно, одно из наиболее ранних дошедших до нас описаний обряда сожжения на костре, сбора пепла в сосуд и его помещения вместе с погребальными принадлежностями в яму. В ней подробно описывается, как омытые вином кремированные останки героев – Патрокла и Гектора – были затем погребены (Илиада: XXIII; 785–800). Точно так же «Одиссея» сообщает нам, что тело и доспехи погибшего Элпенора сжигаются, а товарищи, совершив над ним погребальные обряды, возводят над его останками курган, отмеченный камнем и веслом с их корабля (Одиссея XII: 10–15). При этом довольно подробно описывается форма сожжения на костре, сбор пепла в сосуд и его помещение вместе с погребальными принадлежностями в яму.

В других местах Евразии поздний бронзовый век (1250–750 гг. до н. э.) – это эпоха полей погребений, когда те же племена унетицкой – курганной культур перешли к кремации. Распространение обычая сжигания тел умерших в раннем железном веке в Евразии настолько масштабно, что нет смысла перечислять все территории и культуры, объединенные этой традицией (Добровольская 2010).

Но что интересно: в то же самое время, когда стала распространяться кремация, то есть в 1300–800 гг. до н. э., почти по всей Европе в захоронениях появляются многочисленные бритвы (Монгайт 1974). Видимо, бритвы имели очень важное значение в этот период.

Самое раннее (по крайней мере, установленное) использование урн для хранения пепла относится к бронзовому веку. Умерших

кремировали, а после, как уже говорилось, помещали прах в урны, которые затем хоронили. Среди множества урн бронзового века не найдется и двух совершенно одинаковых. Они различны как по размерам, так и по орнаменту и декору. Урны, получившие наибольшее распространение, напоминали обычный цветочный горшок. Орнамент на бронзовых или керамических сосудах представлял прямые или изогнутые, зигзагообразные, линии, елочный узор. Урны, их дизайн, качество и материалы вплоть до возникновения Римской империи, как правило, диктовались богатством и вкусом умерших. Некоторые из урн были дорогими – из серебра или золота, другие из бронзы, мрамора, стекла или просто обожженной глины. Появляются также сосуды с изображением абстрактного лица.

Лицевые урны определяются как «урна, изображающая человеческое лицо, части человеческого лица (глаза или нос) или части человеческого тела (руки или гениталии)» (Broholm 1933). Они представляют собой контейнеры для сожженных человеческих костей. Датируются преимущественно поздним бронзовым веком (разброс от 2000 г. до н. э. до 900 г. до н. э.). Такие урны в основном встречаются в Норвегии, Дании, Северной Германии, Польше, Италии, Швеции. Горшки с лицевым декором из позднего бронзового века не использовались ни в каком другом контексте, кроме как в качестве кремационных урн. Их никогда не использовали для приготовления пищи или хранения продуктов. Интересно, что в Норвегии найден осколок лицевой урны, имевший поразительное сходство с итальянской лицевой урной. Из этого можно сделать вывод, что традиция кремационных урн была не местным новшеством, а уже получила распространение по всей Европе.

Среди находок, датируемых поздним бронзовым веком, погребальные артефакты в Норвегии немногочисленны, но среди них встречаются такие очень ценные предметы, как бритвы и пинцеты, ассоциирующиеся с личной гигиеной. Среди погребальных предметов, найденных вместе с датской лицевой урной, есть несколько самых ранних предметов из железа: нож и булава (Broholm 1948: 156). В польских лицевых урнах встречаются серьги из бронзы и железа с прикрепленными к ним мелкими бусинами из янтаря или синего стекла, а также раковинами каури (Fahlander, Oestigaard 2008; Aasbøe 2006).

Железный век

В раннем железном веке (1000 лет до н. э.) в Древней Греции можно встретить различные формы кремации в одних и тех же местах. Кремированные останки чаще всего отделялись от остатков погребального костра и помещались в урну. Наиболее часто в качестве урн использовались сосуды, которые просто отбирались из бытовых и кухонных. Но некоторые урны, особенно обнаруженные в высокостатусных могилах, были сделаны специально для похорон.

Кремированные останки перед погребением заворачивали в ткань, затем укладывали в бронзовую амфору, которую опускали в керамический горшок с крышкой. Затем вместе с другими погребальными предметами урну устанавливали в каменной погребальной камере и завершали все насыпью из земли. В Афинах наиболее распространена была кремация в урнах для хранения пепла, которые затем были положены в ниши могил или в ямы.

В Медеоне погребальный костер устраивали непосредственно в могильной яме, а останки затем засыпали землей. Такие нетипичные кремации были обнаружены и в других местах. Но чаще встречающийся вариант – когда остатки кремированных костей помещали в яму или гробницу после того, как труп был кремирован на погребальном костре в другом месте. Часто вместе с останками в могилу опускали несгоревшие погребальные принадлежности. Но самое большое распространение получили кремационные урны.

В прибрежном поселении Лефканди расположено массивное святилище Героон, посвященное герою (около 1000–950 гг. до н. э.). Погребальная урна с прахом героя представляет собой бронзовую амфору с гравировкой сцен охоты, рядом находились несгоревшие предметы одежды, меч и погребальные предметы. Но самое главное – по соседству с урной был обнаружен скелет захороненной здесь женщины в богатой одежде и дорогих ювелирных украшениях. Предположительно, женщина была убита и похоронена рядом с мужчиной по древнему обычаю, в соответствии с которым жены должны были уходить в мир иной вместе с мужьями (в Индии такой обычай сохранялся почти до наших дней). В соседней яме лежали скелеты лошадей, на которых, очевидно, герой ездил при жизни, послуживших жертвоприношением.

После 700 г. до н. э. традиции кремации в Греции продолжались, тела сжигались непосредственно в могильной яме или над

ней, после чего останки засыпали землей и сооружали могильную насыпь. Урны с останками часто представляли собой искусно украшенные сосуды очень высокого качества, а иногда – бронзовые амфоры.

Однако примерно к 480 г. до н. э. кремация отступила, и по всей Греции господство обретает ингумация. Кремация в этот период использовалась главным образом как средство борьбы с эпидемиями, в частности в конце V в. в Афинах сжигались жертвы чумы (Dickinson 1994).

А вот в Скандинавских странах – Швеции, Финляндии, Норвегии – в конце бронзового и начале железного века (700–500 гг. до н. э.) все было иначе. Подавляющее большинство похорон осуществлялось путем кремации. В северных широтах Европы в железном веке возникают также любопытные захоронения в болотах. Конечно, они не являлись распространенным видом погребения и скорее были исключением из правил. Вполне вероятно, что здесь мы видим факты жертвоприношения.

Зороастризм

Кремация, хоть и получила широкое распространение, не обошлась также без противников. Решительно выступали против кремации последователи зороастризма, для которых огонь был священным. Они полагали, что кремирование человеческой плоти могло своей нечистоплотностью загрязнить огонь. Зороастризм – одна из древнейших религий, берущая начало в откровении пророка Заратустры, – возник в I-м тыс. до н. э. Время жизни пророка до сих пор является предметом споров среди ученых. Эта религия основана на теологическом дуализме добра и зла. По Заратустре, физический мир был создан мудрым богом Ахура-Маздой (Ахурамаздой) для того, чтобы обеспечить поле битвы, на котором можно победить силы зла, управляемые Ангра-Майнью (Ахриманом). Задача каждого зороастрийца состоит в том, чтобы поклоняться добру, активно бороться против зла с помощью молитвы, религиозных ритуалов и нравственного поведения. Человек должен быть «благих мыслей, благих слов и благих деяний». Все, что приносит пользу, является добром, а все, что способно причинить вред, – злом. Ахурамазда добрый бог, и его сила проявляется во всех чистых и добрых творениях. Ахриман – воплощение зла, он является противником и вечным врагом Ахурамазды. Все вредные силы природы, болезни, неурожай – порождения Ахримана.

Зороастрийцы верят, что, когда придет время, Ахурамазда явится свету и Ахриман будет окончательно побежден, вместе с ним падут и сонмища его демонов. Тогда утвердится безраздельное господство Ахурамазды над всем миром. В религиозных текстах Заратустры преобладают наставления, как отгонять зло, поддерживая при этом состояние физической и умственной чистоты. Все формы загрязнения – прямой результат присутствия зла, и самое большое свидетельство тому – смерть человека. Смерть – это победа Ахримана, а сам труп буквально окружен демонами (Aturpāt-i Ēmētān 1979). Поэтому он – самый опасный источник загрязнения и должен быть утилизирован таким образом, чтобы представлять наименьшую опасность.

Сам Ахурамазда отождествляется с огнем, и зороастрийское культовое сооружение получило название «Храм огня». Поклоняться огню – значит поклоняться Ахурамазде. В зороастризме запрещается хоронить «нечистое» мертвое тело в земле, топить или сжигать его. Допустимым и рекомендуемым считается способ избавления от трупов под воздействием диких птиц и животных и «очищающих лучей солнца», сначала на скалах в необитаемых местах, а затем в специальных, расположенных вдали от населенных пунктов погребальных каменных сооружениях, называемых «башнями молчания» (дахма). Здесь на каменных площадках выкладывались мертвые тела, для того чтобы их пожирали хищные звери и расклевывали птицы-падальщики. Освобожденные от плоти, высушенные солнцем кости уже считались чистыми, кости следовало собрать в оссуарий (ящик, урна для хранения скелетированных останков) и поместить в особое хранилище – склеп. Кости в данном случае воплощались в частицы души усопшего. Если кости продолжали оставаться в этих башнях, то продолжали разрушаться естественным путем до тех пор, пока окончательные продукты распада не будут смыты дождевой водой (Davies, Mates 2005: 428–429; Williams 1989).

Подобная церемония и сегодня проводится в некоторых районах Тибета. Религиозная практика работы с человеческими останками описана этнографами. Возможно, этой традиции очень много лет. Тело мертвеца кладут в пустынном месте, расчлениают его, чтобы облегчить доступ к «пиршеству» хищникам и хищным птицам. После того как те покончат с плотью, оставшиеся кости перемалываются и смешиваются с ячменем, чтобы подманить птиц.

Цель – избавиться от всего тела целиком. Считается, что после того, как это достигнуто, душа умершего, полностью освободившись, наконец, от нечистого тела, отправляется к богу. Ритуал на этом считается завершённым (Талалай С., Талалай Я. 1998). Уничтожение не только мягких, но и костных тканей тела умершего иногда производилось в естественной среде – например, в воде или на воздухе до полного разложения мягких тканей (часто при преднамеренном предоставлении тел умерших в пищу некрофагам: рыбам, птицам или собакам, как это делается, к примеру, в Центральной Азии, да и в других местах [Катанов 1892; 1894]). Страбон пишет о существовавшем в Бактрии обряде, когда собакам-могильщикам отдавали людей, «изнуренных старостью и болезнями» (География XI: 11, 3). Для достижения того же эффекта тело умершего иногда помещается во «временную могилу» и закрывается листьями и ветвями, как это делают, например, австралийские аборигены (Леви-Стросс 1984). Интересно заметить, что у бороро эта временная могила обычно выкапывается в центре поселения, на «ритуализованной» и «сакрализованной» площади, и используется для всех умерших членов деревни. Но нередко тело зарывается в землю в определенных местах, а именно там, где грунты насыщены известковыми растворами и щелочами, – до полного разложения мягких тканей и растворения костных. Уничтожение всего трупа, как уже указывалось (Тайлор 1989), считалось допустимым и посредством сбрасывания тела в жерло действующего вулкана (Смирнов 1997).

Античность

В этот период кремация вновь утвердилась в качестве одного из основных погребальных обрядов в Риме, Италии и Западной Римской империи и широко применялась вплоть до середины II в. н. э.

На Ближнем Востоке, в Египте, Месопотамии и Персии практика погребения отличалась от римского мира, поскольку культы сирийских божеств, египетской Исиды, индоиранского Митры, месопотамских Кубабе (Кибелы) и Аттиса сильно влияли на нее. В результате возникла специфика местных способов погребения в земле и скальных гробницах на каменоломнях. В Месопотамии в I в. до н. э. и I в. н. э. встречались случаи сожжения, но все же преобладали захоронения.

В Египте к сожжению тела относились прямо-таки с ужасом, так как оно раз и навсегда лишало покойника привилегии насла-

ждаться жертвоприношениями, которые богам приносят живые. А это наслаждение во все времена имело для египтян первостепенное значение. Так, в молитве мертвого ребенка к Осирису в эпоху Птолемеев говорится: «Дай мне хлеба, пива, благовоний и воды, которые принесены на твой стол». Мумификация же гарантировала покойнику тело, и это обеспечивало ему способность получать подношения и после смерти. Это был весьма существенный аспект загробной жизни, гораздо более тесно связанный с обычными погребальными обрядами. Считалось, что они помогают умершему человеку или какой-то его части подняться на небеса и сесть в лодку бога Солнца – Осириса. Считалось, что после смерти умерший переживает триумфальное восстановление своего «я». Но все же в царстве живых он нуждался в особых услугах, осуществляемых обычно жрецами низкого ранга в ближайшем храме, которые за определенную плату продолжали делать соответствующие подношения. Ритуал нес гарантию того, что индивид сохранит свою полную жизненную силу после смерти. В любом случае благополучие индивидуума в будущем зависело от того, насколько точно будет выполнен похоронный ритуал (Nock 2011).

От Геродота нам известно, что скифы бальзамировали своих царей: «Когда умрет у них царь, здесь выкапывают большую четырехугольную яму, изготовив ее, намазывают труп покойного воском, разрезают живот, вычищают его, наполняют рубленным купером, ладаном, анисом (то есть благовониями), семенами сельдерея, затем снова зашивают, берут труп и на повозке везут к другому племени» (Полосьмак 2000). Это относилось только к царям. Простых смертных хоронили более скромно, но тоже весьма своеобразно. Способ древней работы с телом умершего был в деталях реконструирован советскими археологами Н. Ю. Кузьминым и О. Б. Варламовым на основании археологических находок в курганах Минусинской котловины, относящихся к скифскому и гуннскому времени. По мнению авторов, процесс обработки покойников (именно там и в то время) складывался из следующих последовательных операций. Сначала тело умершего освобождалось от мягких тканей; затем на основании черепа изготавливалась глиняная голова; после этого шло скрепление костей при помощи пяти деревянных прутьев (один из них проходил через спинно-мозговой канал позвоночника, два – вдоль позвоночника и длинных костей ног, два – вдоль длинных костей рук). После этого изготовлялось

«тело» и к нему прикреплялась глиняная голова (Кузьмин, Варламов 1988). Нечто подобное было зафиксировано и на других сибирских памятниках, и даже у американских патагонцев, по описаниям британского историка-археолога Дж. Леббока (основоположник антропологии, ввел в археологии понятия «неолит» и «палеолит»).

Бальзамирование широко применялось в Древнем Египте. Для этого там были «поставлены особые мастера, которые по должности занимаются ремеслом бальзамирования... Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть – путем впрыскивания (растворяющих) снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем (обсидианом?) разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренностей. После чего, промыв ее пальмовым вином, мастера вновь прочищают ее растертыми благовониями. Наконец, наполняют чрево чистой растертой миррой, кассией и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают его повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью (ее употребляют вместо клея). После этого родственники забирают тело, изготавливают деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника.

Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпальнице, где ставят гроб стоймя к стенке. Если родственникам из-за дороговизны первого способа бальзамирования приходится выбирать второй способ, то (мастера) поступают несколько иначе. С помощью трубки для промывания впрыскивают в брюшную полость покойника кедровое масло, не разрезая, однако, паха, и не извлекая внутренностей. Впрыскивают же масло через задний проход и затем, заткнув его, чтобы масло не вытекало, кладут тело в натровый щелок на определенное число дней. В последний день выпускают из кишечника ранее влитое туда масло. Масло действует настолько сильно, что разлагает желудок и внутренности, которые выходят вместе с маслом. Натровый же щелок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да кости. Затем тело возвращают родным, больше уже ничего с ним не делая. Третий способ бальзамирования предназначен для бедняков. В брюшную полость вли-

вают сок редьки и потом кладут тело в натровый щелок на 70 дней. После этого тело возвращают родным» (История II: 86–88).

В наши дни в особых случаях бальзамирование все еще применяется в Тибете: «Если умирает Далай-лама, Таши-лама или какой-нибудь очень великий человек или святой, то применяют бальзамирование. Труп, как это делалось при бальзамировании в Древнем Египте, помещается в ящик с болотной солью, обычно на срок около трех месяцев или до тех пор, пока соль не вберет в себя всю жидкость трупа. После того, как труп подвергнется подобной обработке, его покрывают веществом, напоминающим цемент и приготовляющимся из глины, а также растертым сандалом и антисептиком. Все это прилипает и затвердевает; все впавшие и сморщенные части тела: глаза, щеки и живот – округляют до их нормальных размеров и пропорций. В результате получается мумия, очень напоминающая египетские. Наконец, когда мумию тщательно высушат и покроют краской, сделанной из растворенного золота, ее выставляют как статую в тибетском монастыре» (Смирнов 1997).

В Египте, Персии тела царей хоронили, бальзамируя воском, на возвышенных местах, и этот обычай за ними переняли цари Понта, Армении, Коммагены и Парфии (Hastings *et al.* 1910: 505). Жреческое племя волхвов выставляло тело умершего на съедение птицам и собакам. В дохристианские времена этот обычай существовал также в Персии и Бактрии. Общее применение его среди парсов, как мы знаем сегодня, восходит к сложному возрождению зороастризма в Античности при Сасанидах. Примечательно, однако, что в семитских областях, где погребение было регулярным, практиковалось также жертвенное сожжение. Так, известно, что в жертву Молоху приносили детей. В критические моменты случались добровольные самосожжения царей и полководцев, преследовавшие цель умиловить разгневанных богов. В последнем случае они сопровождались высокими посмертными почестями и, по убеждению современников, явно не лишали сожженных счастья в загробной жизни.

Подводя итог, можно сказать, что на Востоке главным считали сохранить останки умершего. Египтяне, ближневосточные народности, семиты рассматривали гробницу как его вечный дом. Хотя люди, вышедшие из этих земель, но жившие в Риме во времена ранней империи, подчинялись местным обычаям и сжигали своих мертвых. В последнем веке Римской республики наблюдалось со-

четание двух обрядов – погребения и кремации. При этом кремация была более частым явлением в городах (von Duhn 1924, 1: 2, 438). Правда, некоторые исключения делались для младенцев, еще беззубых, и мужчин, пораженных молнией. Их тела, как и тела крайних бедняков, просто бросали в ямы-путикули** и оставляли гнить. Насколько частой была такая практика, с уверенностью сказать сложно, скорее всего, она была редкостью. Впрочем, и к кремации отношение было неоднозначным. В группе эллинистических гробниц к югу от Реджо-ди-Калабрии кремированными были найдены только дети. В иудаизме существовал вопрос, будут ли младенцы участвовать в воскресении. Тем не менее даже самые бедные имели возможность кремироваться (Nock 2011; Graham 2005). При Августе (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) бедняки, прежде всего рабы и вольноотпущенники из больших семей и иноземных групп, объединялись в гильдии и строили общие хранилища своих умерших, каждый из которых занимал свою нишу или колумбарий (Platner 2015: 435; Mommsen 2018: 211). В I в. тела умерших низших чинов кремировали и ставили надгробный камень (ципус). Для тех, кто обладал большими средствами, характерным памятником был могильный алтарь с вместилищем для праха. Самые богатые строили мавзолеи. Все они одинаковы, за исключением тех, кто находился под влиянием пифагорейства, и останки в них обычно кремировались. Но не всегда. Римский писатель и поэт Петроний, рассказывая историю эфесской вдовы, обращает внимание на то, что ее умерший муж был похоронен, а не кремирован (Плиний xxxvi: 131, III.2).

После Адриана (римский император в 117–138 гг.) колумбарии (хранилища урн с прахом после кремации) больше не строились, а в существующих колумбариях все чаще встречаются ингумации (Cagnat, Chapot 1917). Кремация и погребение примерно с одинаковой частотой встречаются вплоть до династии Севера (193–235 гг.). Резкие перемены в похоронных традициях Римской империи, когда ингумация практически вытесняет кремацию, происходят в конце II и начале III в. (Lugli 1919). Ученые называют разные причины этих изменений. Некоторые из них считают, что отказ от кремации был вызван увеличением стоимости топлива, другие видят в этом результат влияния восточного мистицизма, а также пифагорейства,

** Путикули (puticuli) – род колодцев или глубоких ям в римских катакомбах, куда бросали трупы бедняков или преступников (Чудинов 1910).

или же растущего влияния христианства (Nock 2011). Но полного отказа от кремации не произошло, точно так же, как не произошло и общих изменений в представлениях о загробной жизни. Не случайно известный христианский писатель Тертуллиан (165–240) говорит о кремации как о нормальной практике. Если христианин, вступающий в армию, будет убит в бою, пишет он, то тело его «будет кремировано в соответствии с лагерным обычаем» (Septimi Florentis n. d.).

Но все забывают, что II в. – начало кризиса Римской империи. Как мы знаем, во II в. происходит ряд катастрофических эпидемий, разразившихся при императоре Марке Аврелии (121–180), который и сам умер от чумы. Именно огромная смертность в период эпидемий повлияла на демографию империи, стала причиной гражданской войны, борьбы за власть и началом медленного падения Римской империи. И, вполне возможно, при такой высокой смертности избавляться от покойников было практичнее, зарывая их в землю, а не сжигая. То есть происходят перемены в погребальной традиции, и римская практика кремации (возможно, унаследованная от греков, которые начали кремировать тела с начала железного века), продолжавшаяся почти 1000 лет, полностью заменяется ингумационным захоронением.

В западных провинциях эти изменения произошли немного позже, чем в Риме. В Галлии, видимо, кремация была местным обычаем и продолжала время от времени использоваться и в III, и в IV в. Монеты Константина были найдены в погребальных урнах в Меце. В Рейнской области ингумация вытесняла кремацию в течение всего третьего столетия, хотя следует отметить, что фамильная гробница близ Кельна, относящаяся к 260–340 гг., содержит ниши для урн из пепла.

В Британии погребения появляются снова примерно в конце II в., но если поначалу они были редкостью, то в III в. стали правилом. Правда, кремация все еще преобладает в северных пограничных зонах, прилегающих к стене Адриана (оборонительное укрепление длиной 117 км, построенное римлянами в 122–128 гг. для предотвращения набегов пиктов и бригантов). Это происходит в позднеримский период (250–410 гг. н. э.). Такая же картина наблюдается и в восточных, и в южных районах Британии, где преобладали поселения саксов, переселившихся с материка на остров в 410 г. (Nock 2011: 321–322).

Почти по всей Европе, как уже говорилось, кремация и погребение были одинаково распространены, но внезапно кремация стала гораздо более редкой в III в. н. э. и почти исчезла в IV в.

Использовавшие кремацию считали, что огонь, обладая способностью быстро разрушить тело, может очистить и дух, душа в ревущем пламени и клубящемся дыму отправляется в следующий мир. И верили, что дух умершего пребывает в мире живых до тех пор, пока существует плоть, а огонь мог быстрее освободить душу от плоти, чем погребение в землю, где тело могло долго гнить, тем самым не давая душе освободиться. Но христианство было по этому поводу иного мнения. Христиане рассматривали кремацию как языческий обряд и активно противодействовали ей, полагая, что кремация противоречит концепции воскресения тела и культу мощей мучеников. Символизм земного погребения стал отождествляться с погребением Христа и с окончательным его воскресением. Такое воскресение ждет всех умерших с вторичным приходом Христа перед Страшным Судом. Библия одобряет погребение тела верующего, утверждая, что Бог бережет пламя для тех, кто заслуживает наказания. Любопытно, что фраза «Ты прах и в прах возвратишься» (Быт. 3:19) используется как теми, кто выступает против кремации, так и теми, кто ее одобряет, поскольку она действительно подходит к обоим контекстам. Когда римский император Константин (274–337) принял христианство, он запретил кремацию. Позже Карл Великий (789 г.) также издает закон, запрещающий, вплоть до уголовной ответственности, сжигание тел на кострах, и способствует распространению погребений с трупоположением. Но все же кремация сохраняется в северных районах Европы (Швеция). Самые знаменитые похороны тех времен – сжигание усопших вместе с кораблями в эпоху викингов. И лишь после 1050 г., когда северные народы и викинги познакомились с христианством, кремация почти полностью исчезает. С этого момента по всей Европе она вообще запрещена. Но возникает другая практика – варения останков плоти в кипятке.

Средневековые

На протяжении всего средневекового периода погребение оставалось нормативной практикой, ни о каком другом виде похорон и речи не шло. Тело умершего должно было оставаться целым после смерти – это стало аксиомой.

Однако с IX по XIII в. короли, императоры, прелаты и знатные люди, жившие в Европе, подчас отступали от этого правила. Ведь смерть могла застигнуть их в военных походах или путешествиях, а они хотели, чтобы их тела после смерти были похоронены в родных местах. Но транспортировка покойного требовала времени, а тело после биологической смерти начинает разлагаться, причем на открытом воздухе при положительной температуре гниение идет в два раза быстрее, чем в воде, и в восемь раз быстрее, чем в земле. Цинковых гробов в ту пору не было, и для упрощения транспортировки требовалось быстро отделить плоть от костей, так как перевозились именно кости. Задачу отделения плоти решали просто – для этого труп варили. Более гигиеничным считалось варить труп в воде с вином. Эта практика быстро распространилась на Францию, Англию и Шотландию (Bagliani 2001).

Самым ранним примером ее был император Карл Лысый, умерший в 877 г. в Италии во время похода, чьи кости были перенесены в Сен-Дени, желанное место его упокоения.

Но со временем желание знати быть похороненными в каком-то определенном месте переросло в желание похоронить свои останки в многочисленных местах.

Император Оттон I (ум. 973) изъявлял желание, чтобы его внутренности были захоронены в Мемлебене, а тело – в Магдебурге (Brown 1981: 225). Но это было ничто по сравнению с захоронением английского короля Ричарда I (ум. 1199). Он хотел и после смерти принадлежать всей стране, поэтому завещал похоронить свое сердце, мозг, кровь, внутренности и тело в разных местах, находящихся весьма далеко друг от друга.

Некоторые из королей выражали желание, чтобы их прах, по крайней мере часть его, покоился в Святой Земле. И сердца их после смерти были отправлены вместе с участниками Крестовых походов в далекое путешествие. Так была выполнена воля Альфонсо X Кастильского (ум. 1284), короля Англии Эдуарда I (ум. 1307) и короля шотландского Роберта Брюса (ум. 1329) (Brown 1981: 230, 234).

Какими бы благочестивыми ни казались эти королевские пожелания, местные монахи, вероятно, поощряли погребения на разных кладбищах своей страны. Если сердце императора захоронено в одном аббатстве, а внутренности – в другом, то это означало, что оба аббатства могли получить финансирование. И лишь папа Бонифаций VIII считал многократное захоронение диким, чудовищным,

извращенным, бесчеловечным и отвратительным актом жестокости. И в 1299–1300 гг. (Bagliani 2001) он выпускает папскую буллу, объявляя отлучение от церкви любого, кто расчленяет и варит трупы, чтобы отделить плоть от костей для транспортировки. А те, чье тело подвергнуто столь бесчеловечному обращению, лишались церковного погребения. Но папская булла не достигла успеха, и такая практика продолжалась вплоть до XVIII в. Более того, запрет Бонифация в определенном смысле подтолкнул эту практику к развитию, сделав ее тайной, а значит, и более привилегированной. Сразу же после смерти Бонифация аристократы засыпали его преемников просьбами об особом разрешении, и многие такое разрешение получили (Brown 1981: 264–265).

А через 100 лет, в 1400 г., в Европе возникает сожжение на костре как наказание за ересь. И также, несмотря на запреты и наказания церкви, погребальный огонь использовался в средневековой Европе в качестве экстренной меры во время эпидемий чумы, как это было в случае «черной смерти» XIV–XVII вв.

Китай, Корея, Япония

Хотя буддизм поощрял практику кремации, она была здесь основным, но далеко не универсальным средством избавления от мертвых. Другие формы захоронения включают расчленение и оставление тела на съедение стервятникам, как это делалось в Тибете, где трупы также могли быть похоронены, кремированы или брошены в реку. Редкая практика, все еще встречающаяся в материковой Юго-Восточной Азии даже в XX в., заключалась в том, что человек завещал свое тело местному монастырю, чтобы оно могло служить медитации. Тело помещали в клетку, чтобы защитить от падальщиков, и монахи наблюдали за ним на разных стадиях разложения. Эта форма буддийской медитации восходит к истокам религии, примерно к V–VI вв. до н. э., когда, по-видимому, была распространена практика избавления от трупов путем помещения их в специальные погребальные камеры. Погребение также стало все более распространяться в Бирме в колониальный период.

В Северном Таиланде считали, что тело, прежде чем его кремируют, должно быть похоронено в земле и пролежать в ней несколько месяцев или даже лет. Тем самым оно якобы очищалось от заразы, после чего его можно было эксгумировать, кремировать и проводить погребальный обряд. В отличие от этого, в Центральном

Таиланде труп стараются кремировать как можно скорее, чтобы дух умершего не создавал проблем живым.

В буддизме кремация является наиболее предпочтительным погребальным ритуалом, поскольку сам Будда тоже был кремирован. Согласно преданиям, его погребальный костер самовозгорелся, но только после того, как многие последователи пришли отдать дань уважения его телу. Когда пламя погасло, остались только кости и никакой золы.

На Дальнем Востоке обращение с трупом в разное время было различным. Китайские похороны основаны не только на принципах буддизма, но также и на конфуцианских верованиях. Даже если они содержат буддийские элементы, то все равно обычно включают и погребение. Кремация обретает популярность в Китае, когда буддизм становится государственной религией. Правда, практика трупосожжения уживается с ингумациями, и это продолжается достаточно долгое время. А с началом правления династии Мин (1368–1644) кремация попадает под запрет. Дело в том, что богатые классы находились под большим влиянием конфуцианства, и поэтому склонялись к погребению (Davies, Mates 2005: 120; Lee 1988).

Буддизм пришел на Корейский полуостров через Китай в конце IV в. н. э., в период Трех государств (так назывались раннефеодальные корейские государства). Когда буддизм стал государственной религией, кремация была популярна во времена Объединенного Силла (676–935) и в период династии Коре (918–1392). Но пика популярности она достигает именно в период Объединенного Силла. Археологические свидетельства, включая найденные урны, говорят о том, что в этот период восемь из 27 царей были кремированы. Во времена династии Коре ритуалы кремации отражали буддийские традиции, но существовало и конфуцианство, поэтому погребение также имело место. В этот период кремация была широко распространена среди аристократов. Однако в конце династии Коре и в период правления династии Чосон (1392–1910) растущее влияние конфуцианства приводит к постепенному отказу от кремации в пользу захоронения.

Хотя буддийская кремация в начале династии Чосон все еще остается популярной среди простых людей, непрерывный рост конфуцианства привел в дальнейшем к строгому запрету и полному исчезновению кремации. Погребение, наряду с верованиями в геомантию (гадание с помощью земли) для выбора благоприятных

мест при захоронениях, оставалось преобладающим вплоть до XX в. (Deuchler 1992, Horlyck 2002; Davies, Mates 2005). Буддизм пришел в Японию через Корейский полуостров в VI в. В Японии избавиться от трупов можно было четырьмя различными способами: хоронить в земле (досо), хоронить в воде (суисо), кремировать (касо) и достигать обнажения костей в дикой природе (фусо, или «погребение на ветру»).

Большинство общин в Японии предпочитали хоронить умерших в земле, в то время как некоторые оставляли трупы в горах. Однако после того, как буддизм был введен в Японии, кремация получает быстрое распространение. Сначала ее выбирают аристократы, а затем и многие простолюдины. Такая практика считалась наиболее достойной, так как предполагалось, что избравшие ее получают возможность «стать Буддой» (дзобуцу) после смерти. Согласно истории VIII в. «Сёку нихонги», кремация была введена в Японии буддийским священником Доше (Dôshô, 629–700). После его кончины ученики, в соответствии с завещанием учителя, сожгли его тело на погребальном костре. Это произошло в 700 г. А тремя годами позднее последовала кремация императрицы Жито (Jitô, 645–703), что создало прецедент среди аристократии.

К концу периода Хэйан (794–1185) кремация в Японии стала распространенным явлением. При этом японцы были убеждены, что пламя кремационного костра помогает освободить душу умершего и направить ее в нужное русло. С философской точки зрения, вид горящих тел убедительно подтверждал буддийское учение о том, что все вещи непостоянны. Кремация была особенно популярной среди приверженцев школы буддизма «Дзёдо-Синшу» («Истинная чистая земля»), основатель которой Синран (1173–1262 гг.) был кремирован и похоронен в Киото.

В XVII в. традиции буддизма подвергаются активным нападкам со стороны конфуцианских ученых, вдохновленных антикремационными трактатами из Китая периода Сун (960–1279 гг.). «Изучение песен» (Sogaku) захватило воображение значительной части интеллектуальной элиты Японии в период династии Токугава (исторический период 1603–1868 гг.). В ее среде происходит отказ от буддизма, и одной из главных предпосылок смены религии было то, что буддизм поощрял людей покидать свои семьи, чтобы стать монахами и монахинями. Теперь это рассматривается как бесчеловечное отношение к своим родным. Буддийская практика кремации,

которая во многих случаях требовала, чтобы дети сжигали плоть своих родителей, особенно оскорбляла чувства китайских конфуцианцев и их японских коллег. По словам одного из авторов трактата, это «высочайшая степень жестокости; в таких поступках нет ничего, что соответствовало бы естественным чувствам человека» (De Groot 1967). Конфуцианские ученые активно пропагандировали свою антикремационную позицию среди элиты, и даже императорский двор, который сжигал своих мертвых в течение столетий, в конце концов отказался от этой практики. Император Го-Комё (1633–1654 гг.) в соответствии с его пожеланием после смерти был ингумирован (Bernstein 1999).

Кремация в Индии

Индустские обычаи кремации существовали с незапамятных времен.

В Индии обряд сати – похоронная ритуальная традиция, в соответствии с которой вдова подлежит сожжению вместе с умершим супругом, – имеет долгую историю. Происходит от имени богини Сати, которая добровольно сожгла свое тело в йогическом огне, потому что не смогла вынести оскорблений и унижения от своего отца Дакши по отношению к ней и ее мужу Шиве (Kane 1973).

Видимо, погребальный костер был популярным в Индии уже тогда, когда туда пришел Александр Великий, то есть в 326 г. до н. э. Греческий историк Страбон также пишет в своих сочинениях об обряде сати. Первый описанный в индийских текстах случай сати относится к 316 г., когда одну из двух жен индусского генерала его брат возвел на погребальный костер. О вдове говорится, что она была вся «светла и очень радостна, даже когда языки пламени начали лизать ее тело» (Hawley 1994). В настоящее время обряд сати в Индии запрещен, хотя и сейчас здесь кремируют большинство умерших.

Кремация происходит на погребальных кострах, которые обычно раскладываются на речном берегу. К дровам, как правило, добавляется сандал, а во время кремации в костер бросают рис – как жертвоприношение высшим силам, чтобы они доброжелательно встретили отправляющуюся к ним душу. Выход души из тела – главный момент обряда. Считается, что это происходит, когда от жара костра раскалывается череп умершего. Но иногда череп оказывается достаточно крепким, и тогда участникам процесса приходится по-

могать покойному: его голову разбивают специальным ритуальным шестом с металлическим наконечником. Но такая ситуация характеризует покойного не с лучшей стороны, поскольку считается, что душу удерживают на этом свете многочисленные грехи усопшего. Вот почему близкие умершего ждут момента «выхода души» со страхом и надеждой. Процесс кремации продолжается до тех пор, пока от тела не останется всего лишь кучка пепла. Брахман с молитвами бросает прах в воду реки так, чтобы он понемногу попал на все стороны света, для достижения будущей жизни через перерождение тела (Ghimire 1998; Fowler 1996). Хотя кремация является общей практикой захоронения, исключения делаются для мертвых младенцев, которых просто бросают в проточную воду или закапывают. В некоторых северных районах Непала трупы выставляются на открытых местах, что отражает традиционную тибетскую практику.

Заключение

Почему же все-таки возникла традиция сжигания останков усопших сородичей на костре?

Кремация обычно воспринимается как наиболее благоприятная из похоронных практик. Ее рассматривали и как жертвенный ритуал: умерший после сожжения возрождается к новому существованию. Через кремацию тело преобразуется огнем и восстанавливается в его различных элементах, отдается обратно творению (Bloch, Parry 1982; Lincoln 1991). Кремация – это ритуал, посредством которого время и космос также возрождаются; ритуал, посредством которого воссоздается Вселенная (Pandey 1969).

Но такие религиозно-философские взгляды возникли позже. Они формировались по мере того, как человек развивался, обогащались его знания об окружающем мире, появлялись различные социальные взаимосвязи, формы общения между группами людей усложнялись, менялись социальные статусы и их роль, то есть жизнь становилась сложнее и многограннее. Но в самых примитивных племенах *Homo sapiens* вряд ли могли формироваться сложные философско-религиозные понятия, поэтому и взгляды их на первые кремации были проще и диктовались элементарным практицизмом. В этих племенах хоть и имелись определенные религиозные воззрения, но они были продиктованы чаще всего страхом перед непонятными древнему человеку силами и явлениями. И методы

установления контакта со сверхъестественными силами были очень простыми, выражающимися в ритуальных танцах и песнопениях. Они еще не представляли собой существа религиозной мысли. Скорее всего, цель кремации в то время была элементарно-гигиенической, сожжение представляло собой средство защиты живых от заражения, и необходимость такой меры стала очевидной, когда племена столкнулись с опасностью и болезнями.

Как мы видим по убедительным доказательствам, использование огня при утилизации трупов возникло в отдельных сообществах *Homo sapiens* уже 40 тыс. лет назад (Мунго, Австралия).

После того как люди научились добывать огонь, он стал неотъемлемой частью их повседневной жизни, важнейшим культурным приобретением. Его повсеместно использовали для приготовления пищи, видимо, опытным путем убедившись, что приготовленная на огне пища не только вкуснее, но и безопаснее сырой. Преимущества его использования ценили по достоинству, ведь он выступал «универсальным антибиотиком» и «антипаразитическим агентом». Но огонь могли применять и для того, чтобы сжигать трупы. Нельзя с уверенностью утверждать, для чего огонь стал применяться раньше: для каннибализма или все же для утилизации трупов? Вероятность первого предположения весьма высока, ведь археологические находки обугленных человеческих костей свидетельствуют, что уже на очень раннем этапе своего развития люди занимались экскарнацией, то есть отделением мягких тканей от костей трупов. К тому же каннибализм – более древняя поведенческая традиция, нежели ингумация. И питались же древние мясом даже в сыром виде, не применяя огонь. То есть они могли прибегнуть к огню, если сырое мясо несло в себе патогенную опасность. Если обратиться к нашим дням, то у племен охотников-собирателей и сегодня существует традиция поедать трупы своих родственников, используя огонь и совершенно не думая об ингумации их тел. Конечно же, «виной» является благоприятная эпидемическая обстановка, а если люди умирали от болезней, то вряд ли трупы умерших соплеменников были для них такими лакомыми яствами.

Таким образом, кремация в доисторические времена преследовала практическую задачу, служила для утилизации тел с целью предотвращения эпидемии. Но уже в более сложных обществах, и это особенно видно в конце бронзового и в начале железного века, огонь кремационного костра рассматривался как очищающее

средство для окончательного освобождения духа. Огонь пожирал земные останки индивидуума и освещал переход мертвых в следующий мир. И полное разрушение тела можно было рассматривать как препятствие возвращению мертвых в мир живых.

Возможно, при эпидемиях люди боялись, что дух умершего может нести обществу разрушающую силу? Не исключено. Древние люди могли предполагать, что разлагающееся тело способно порождать болезни, и, сжигая его, пытались предотвратить распространение смертельных болезней.

Вплоть до XIX в. британские врачи видели связь между повторяющимися вспышками чумы и присутствием, ввозом и циркуляцией крыс в колониях, объясняя ее потенциальной инфекционностью человеческих трупов. Предположение, что трупы могут переносить и распространять чуму, действительно было неотъемлемой частью исторических идей вплоть до XX в. (Wald 2008). В европейских повествованиях о вспышках чумы трупам отводилась важная роль, считается, что чума «Черная смерть» могла быть занесена в Европу из Крыма, в соответствии с легендарным рассказом о якобы использованном «бактериологическом оружии» в виде чумных трупов во время осады Каффы (1346 г.) (Wheelis 2002). И в теории французского медика XVIII в. Этьена Перисе также присутствуют трупы. Он полагает, что чума возникла в результате христианизации Египта и отказа от бальзамирования (что, по его мнению, привело к обилию разлагающихся трупов, порождавших чуму (Lynteris, Evans 2018; 2017). Медики даже в XIX в. считали причиной болезней не заразность, а определенные природные явления – зловонные пары или облака газа. Теория испорченного, загрязненного воздуха была настолько распространена, что оставалась незыблемой вплоть до правления королевы Виктории. Средневековое понимание инфекции или заражения заключалось в том, что причина чумы – в разложении воздуха, что смешение с испорченными или ядовитыми парами изменяет изначальную структуру вещества и при вдыхании это оказывает пагубное воздействие на организм человека. Все соглашались, что воздух может быть отравлен гниющим веществом, в том числе мертвыми телами, экскрементами или стоячей водой (Ноггох 1994). Предполагалось: все, что гнило, нужно было убрать от обоняния людей, чтобы предотвратить заражение. Древние считали, что выделения от разлагающегося тела могли распространять болезнь, и стремление предотвратить заражение

отражалось в социальных реакциях и поведении, связанных с вопросами погребения, погребальными обрядами и утилизацией трупов. Холера и брюшной тиф были двумя разрушительными болезнями, которые побудили многочисленные общества в XIX в. рассмотреть вопрос о кремации в сочетании с вопросами карантина и общественного здравоохранения, часто до учреждения современной кремации и часто совершенно независимо от отношения населения к кремации. Многочисленные записи касаются этих условий (Davies, Mates 2005). Еще в конце XIX в. в Америке считалось, что Земля порождает болезни от разлагающихся тел, по миазмической теории все болезни передаются по воздуху и зависят от испарений, которые загрязняли ее: пары, поднимающиеся из могил на церковных дворах многолюдных городов, якобы могли оказаться вредными для жителей. Растущее движение за санитарную реформу предложило заменить захоронение в земле кремацией. Но после выдающихся открытий Луи Пастера (1822–1895) во Франции, Роберта Коха (1843–1910) в Германии и Джозефа Листера (1827–1912) в Англии в теории микробных болезней произошел такой сдвиг, что убеждения, будто тело может загрязнить землю и тем самым потом через воздух попасть в царство живых, были отброшены в сторону.

Литература

Авилова, Л. И. 1978. К изучению поздне трипольского погребального обряда. *Советская археология* 3: 58–68.

Акимова, Л. И., Кифишин, А. Г. (ред.). 2000. *Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней*. М.: Языки русской культуры.

Антонова, Е. В. 1990. *Обряды и верования первобытных земледельцев Востока*. М.: Наука.

Берндт, Р. М., Берндт, К. Х. 1981. *Мир первых австралийцев*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры.

Добровольская, М. В. 2010. К методике изучения материалов кремации. *Краткие сообщения Института археологии* 224: 85–97.

Катанов, Н. Ф.

1892. Отчет о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай в 1890 и 1891 гг. *Живая старина* IV: 111–122, 134–137.

1894. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. *Известия Общества истории, археологии и этнографии* XII(2): 109–142.

Кузьмин, Н. Ю., Варламов, О. Б. 1988. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры. Опыт реконструкции. В: Васильевский, Р. С., Холушкин, Ю. П. (отв. ред.), *Методические проблемы археологии Сибири*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. С. 146–152.

Левин-Стросс, К. 1984. *Печальные тропики*. М.: Мысль.

Монгайт, А. Л. 1974. *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М.: Наука.

Мунчаев, Р. М., Мерперт, Н. Я. 1981. *Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке*. М.: Наука.

Обермайер, Г. 1913. *Доисторический человек*. СПб.: Брокгауз-Ефрон.

Полосьмак, Н. В. 2000. Татуировка у пазырыкцев. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4: 95–102.

Рындина, Н. В., Дегтярева, А. Д. 2002. *Энеолит и бронзовый век: учеб. пособие*. М.: Изд-во МГУ.

Смирнов, Ю. А.

1991. *Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии*. М.: Наука.

1997. *Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь*. М.: Вост. лит-ра РАН.

Тайлор, Э. Б. 1989. *Первобытная культура*. М.: Политиздат.

Талалай, С., Талалай, Я. 1998. *Самые невероятные в мире – секс, ритуалы, обычаи*. М.: Крон-Пресс.

Чудинов, А. Н. (ред.). 1910. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*. СПб.: В. И. Губинский.

Aasbøe, M. K. 2006. *Sørnorske ansiktsurner – Et studie av lokal kontekst og interregionale kontakter*. Unpublished hovedfagsoppgave in archaeology at University at Bergen.

Aturpāt-i Ēmētān (comp.). 1979. *The Wisdom of the Sasanian Sages (Denkard IV)*. Boulder, CO.

Bagliani, A. P. 2001. The Corpse in the Middle Ages: The Problem of the Division of the Body. In Linehan, P., Nelson, J. L. (eds.), *The Medieval World*. New York: Routledge, ch. 23.

Bernstein, A. 1999. *The Modernization of Death in Imperial Japan*. Ph.D. dissertation. New York: Columbia University.

Bloch, M., Parry, J. (eds.). 1982. *Death and the Regeneration of Life*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bowler, J. M., Jones, R., Allen, H., Thorne, A. G. 1970. Pleistocene Human Remains from Australia: A Living Site and Human Cremation from Lake Mungo, Western New South Wales. *World Archaeology* 2: 39–60.

Bowler, J. M., Johnston, H., Olley, J. M., Prescott, J. R., Roberts, R. G., Shawcross, W., Spooner, N. A. 2003. New Ages for Human Occupation and Climatic Change at Lake Mungo, Australia. *Nature* 421: 837–40.

Bowler, J. M., Thorne, A. G. 1976. Human Remains from Lake Mungo. Discovery and Excavation of Lake Mungo III. In Kirk, R. L., Thorne, A. G. (eds.), *The Origins of the Australians*. Canberra: AIAS, pp. 1217–38.

Broholm, H. C. 1933. *Studier over den yngre bronzealder i Danmark med særlig henblik paa gravfundene. Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab*. København: H. H. Thieles Bogtrykkeri.

Broholm, H. C. 1948. *Danmarks bronzealder. Fjerde bind*. København: Nyt nordisk Forlag.

Brown, E. A. R. 1981. Death and the Human Body in the Later Middle Ages: The Legislation of Boniface VIII on the Division of the Corpse. *Viator* 12: 221–270.

Cagnat, R., Chapot, R. 1916. *Manuel d'archeologie romaine*. Paris: A. Picard.

Davies, D. J., Mates, L. H. 2005. *Encyclopedia of Cremation*. New York: Ashgate Publishing Company.

De Groot, J. J. M. 1967. *The Religious System of China*. Vol. 3. Book 1. Taipei: Ch'eng-wen Publishing Co.

Deuchler, M. 1992. *The Confucian Transformation of Korea: A Study of Society and Ideology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Dickinson, O. 1994. *The Aegean Bronze Age*. Cambridge: Cambridge University Press.

Duhn, F. von 1924. *Italische Gräberkunde*. Heidelberg: Carl Winter. Part I.

Fahlander, F., Oestigaard, T. (eds.) 2008. *The Materiality of Death: Bodies, Burials, Beliefs*. Oxford: Archaeopress.

Fowler, J. D. 1996. *Hinduism: Beliefs and Practices*. Portland, OR: Sussex Academic Press.

George, A. 1999. *The Epic of Gilgamesh*, New York: Barnes and Noble.

Ghimire, B. 1998. *Hindu Death Rites*. Kathmandu: Barsha Ghimire Publications.

Graham, E. 2005. *Death, Disposal and the Destitute: The Burial of the Urban Poor in Italy in the Late Republic and Early Empire*. URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/id/eprint/24971/1/420782.pdf>.

Hastings, J. J., Selbie, A., Gray, L. H. 1910. *Encyclopaedia of Religion and Ethic*. Vol. IV. New York: Scribner.

Hawley, J. S. (ed.). 1994. *Sati: The Blessing and The Curse*. Oxford: Oxford University Press

Horlyck, Ch. 2002. Tracking Chronological Change in Korean Burials of the Koryo Period. *Journal of East Asian Archaeology* 3: 199–218.

Horrox, R. (ed.). 1994. *The Black Death*. Manchester: Manchester University Press.

Kane, P. V. 1973. *History of Dharmashastra*. Poona: Bhandakar Oriental Research Institute.

Larsson, Å. M. *Breaking and Making Bodies and Pots. Material and Ritual Practices in Sweden in the Third Millenium BC. Aun* 40. Uppsala: Uppsala Universitet.

Larsson, L. 2004. The Mesolithic Period in Southern Scandinavia with Special Reference to Burials and Cemeteries. In Saville, A. (ed.), *Mesolithic Scotland and its Neighbours. The Early Holocene Prehistory of Scotland, Its British and Irish Context, and Some Northern European Perspectives*. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland, pp. 371–92.

Lee, J. Sh. 1988. Cremation in Hong Kong. Part I–II. *Pharos* 5.

Lincoln, B. 1991. *Death, War and Sacrifice, Studies in Ideology and Practice*. Chicago: Chicago University Press.

Lynteris Ch., Evans, N. H. A.

2017. *Suspicious Corpses: Body Dumping and Plague in Colonial Hong Kong Medicine and Biomedical Sciences in Modern History*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 978-3-319-62929-2_5.

2018. *Histories of Post-Mortem Contagion Infectious Corpses and Contested Burials (Medicine and Biomedical Sciences in Modern History)*. 1st ed. Cham: Palgrave Macmillan.

Lugli, G. 1919. Scavo di un sepolcreto romano presso la Basilica di S. Paolo. *NSc*: 285–354.

Mommsen, Th. 2018. *Gesammelte Schriften (Classic Reprint)*. Vol. 3. N. p.: Forgotten Books.

Mulvaney, J., Kamminga, J. 1999. *Prehistory of Australia*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press.

Musgrave, J. H. 1990. Dust and Damn'd Oblivion: A Study of Cremation in Ancient Greece, *Annual of the British School at Athens*, 85: 271–99.

Nock, A. D. 2011. *Cremation and Burial in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

Oakley, K. P., Campbell, B. C., Molleson, Th. I. (eds.). 1975. *Catalogue of Fossil Hominids. Part 3. Americas, Asia, Australasia.* London.

Pandey, R. B. 1969. *Hindu Samskaras.* Delhi: Motilal Banarsidass.

Platner, S. B. (ed.). 2015. *A Topographical Dictionary of Ancient Rome.* Cambridge: Cambridge University Press.

Stekelis, M. 1977. *The Yarmukian Culture of the Neolithic Period.* Jerusalem.

Septimi Florentis, Q. N.d. *Tertulian: De Resurrectione Carnis Liber.* URL: <https://www.thelatinlibrary.com/tertullian/tertullian.resurrectione.shtml>.

Trautmann, I. 2006. *The Significance of Cremations in Early Neolithic Communities in Central Europe.* Einäscherung oder Körperbestattung - über den Stellenwert von Brandgräbern im Kontext frühneolithischer Bestattungsformen. URL: https://www.researchgate.net/publication/302953170_The_Significance_of_Cremations_in_Early_Neolithic_Communities_in_Central_Europe_Einascherung_oder_Korperbestattung_-_uber_den_Stellenwert_von_Brandgrabern_im_Kontext_fruhneolithischer_Bestattungsforme.

Vikkula, A. 1986. The Stone Age Graves of the Nästärri Site in Laitila, SW Finland. *Suomen museo* 93: 5–17.

Wald, P. *Contagious: Cultures, Carriers, and the Outbreak Narrative.* Durham: Duke University Press, 2008.

Wheelis, M. 2002. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa. *Emerging Infectious Diseases* 8(9): 971–975. DOI: 10.3201/eid0809.010536.

Williams, A. 1989. The Body and the Boundaries of Zoroastrian Spirituality. *Religion* 19: 225–239.